

В. РОЖНОВ

Последний временщик последнего царя. Историко-психиатрический очерк¹

Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным.

В. И. Ленин

Распутин — все, Распутин — всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

Александр Блок

В работах В. И. Ленина дан глубокий марксистский анализ пред-революционного периода в истории царской России, социально-экономических и политических условий, господствовавших тогда в стране.

Вот что он писал, например, об этом периоде в своих «Письмах из далека»: «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907–1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до “последней черты”, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки, с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих “первых среди равных” помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса “священной собственности”» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12). Ленинская характеристика с предельной четкостью

---

¹ Печатается по: Наука и религия. 1974. № 7. С. 49–55; № 8. С. 48–53.

и ясностью вскрывает социально-политические причины и суть такого явления, как распутинщина.

Последний временщик последнего царя — Григорий Распутин — прямой продукт своего времени, того общественного и духовного уклада жизни, который веками охранялся царизмом и освещался церковью и при котором суждение невежды нередко значило много больше, чем мнение ученого, а привидевшийся истеричной царице сон превращался в политический компас государственного корабля.

Об этом немало написано — в исторических исследованиях, в воспоминаниях очевидцев, в художественных произведениях... «Зачем же тогда, — может спросить нас читатель, — еще раз возвращаться к этой позорной фигуре в истории нашей страны?» Дело в том, что есть в деятельности этого временщика одна сторона, которой большинство авторов или совсем не касалось, или же лишь слегка затрагивало. Это психические особенности личности Распутина, его казавшиеся долгое время необъяснимыми, таинственные способности воздействия на окружающих, о которых неоднократно твердили очевидцы.

Даже многие его прямые враги, махровые реакционеры, ярые защитники самодержавия, потерявшие терпение от выходов «этого мужика» и завидовавшие его влиянию, и те твердили: «Гришка Распутин — конокрад и хлыст, прохвост и неумный развратник, обманщик, хам и нахал, но тем не менее сила его воздействия на царя и других людей поистине удивительна и непонятна».

В чем же заключалось это его «таинственное» влияние на окружающих?

По-видимому, Распутин был в какой-то степени личностью незаурядной. В ту мрачную эпоху не было у него ни знатного происхождения, ни богатства, ни образования. Однако, когда жизненная борьба столкнула его, малограмотного мужика, с представителями аристократической знати, он проявил великолепное понимание их человеческой натуры.

Наконец, — то, что его поклонникам казалось доказательством их мистических представлений, — его дар воздействия на людей, его мастерство внушения, в котором не могли ему отказать даже самые яростные враги! Порой и они вынуждены были признавать, что на себе испытали это влияние. В этих способностях также заключалась одна из причин его успеха, особенно у венценосной четы, наследник которой страдал неизлечимым тяжелым недугом — несвертываемостью крови (гемофилией). Ведь тогда Распутин при помощи гипнотического внушения один мог как-то помогать ему во время губительных кровотечений.

И еще одна сторона имеется в истории возвеличения «старца», весьма важная и интересная для читателей журнала, нуждающаяся в исследовании и объяснении: как рождаются и утверждаются в религиозном, мистифицирующем действительность сознании, различные святые. Об этом нас нередко спрашивают в письмах, просят объяснить причины возникновения и утверждения в разные исторические периоды чудотворцев, исцелителей, пророков и т.п. По нашему мнению, рассказ о личности Распутина и «секретах» его воздействия — один из наглядных примеров в раскрытии этой проблемы.

Можно без преувеличения сказать: в ряду авантюристов и шарлатанов, в шеренге Калиостро, Казановы, Сен-Жермена и им подобных Распутину принадлежит одно из первых мест. И, вероятно, самое первое по масштабу достигнутого успеха — по степени влияния на умы венценосных правителей, по достижению реальной власти и могущества, по возможности вести себя как заблагорассудится, открыто, на виду у всех, оплевывая и оскверняя те духовные ценности, именем которых и создавалось его могущество. И вот парадокс: чем более вызывающе, чем дерзостнее и нахальнее вел себя этот временщик, чем более цинично и откровенно раскрывал свое истинное нутро, тем прочнее становилось его положение, возрастали реальная сила и влияние на царскую чету, хотя и наживал он при этом все больше врагов среди некоторых представителей аристократии и высших кругов духовенства, даже среди родственников царя.

По нашему мнению, нельзя игнорировать все эти особенности Распутина при попытке дать его психологический портрет.

Итак, если мы хотим понять, что же представлял собой этот человек, то без всестороннего проникновения в его личность, в его психику, нам не обойтись. Но, конечно же, при этом не обойтись нам и без того, о чем писали другие авторы, — без проникновения в сущность того, что именно представляли собой тот период в истории страны и ее правители — поклонники и покровители авантюриста, вся прогнившая до мозга костей великосветская чернь, пропитанная миазмами мистицизма и дремучих предрассудков. Именно эти люди, щеголявшие знатностью своего происхождения, утонченными манерами и образованием, свободно изъяснявшиеся на многих европейских языках, будучи настроены мистически, поклоняясь различным «святым», гадалкам и звездочетам, знахарям и колдунам, по сути создали Распутина, дали ему власть, превратили в некоего высшего судию.

А сам ловкий и умный авантюрист такие столь благоприятные для него возможности узрел, — частью сознательно, в большей мере плутовским нутром своим, — и использовал для своей корысти.

Так простецкий крестьянский психолог, конокрад и сектант — уроженец села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии Гришка Распутин стал впоследствии самым приближенным человеком у его императорского величества Николая II, старцем Григорием Ефимовичем Распутиним-Новых, всесильным последним временщиком последнего царя!

О том, как все это произошло, и говорит наше повествование.

Наполненная призраками ночь

Едва устояло царское самодержавие перед натиском революционной грозы 1905 года. До самых основ оно было потрясено. Революцию утопили в крови, но дух ее не был сломлен. Передовые силы России, руководимые большевиками, настойчиво готовили новую революцию. Народ сознавал свои силы, верил в победу правого дела, и наступление реакции не в состоянии было изменить главного — ощущения неизбежности близкого конца самодержавия. Предчувствовали свою обреченность и угнетатели. И с еще большей лютостью старались подавлять все прогрессивное, мыслящее, передовое.

«То были времена, — писал Александр Блок, — когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию веревкой; Столыпин крепко обмотал эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к “поденщикам”; тогда веревка ослабла и без труда отвалилась сама. Все это продолжалось немного лет, но немногие годы легли на плечи, как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь».

В тяжелое время столыпинской реакции на поверхность всплыли мистика и мракобесие самого низкопробного и изуверского толка. Как поганки после дождя, вылезали всякие спиритические кружки, общества оккультистов, астрологов, хиромантов, теургов-прорицателей. Всевозможные варианты «черных, потусторонних наук» находили себе многочисленных поклонников среди привилегированных слоев общества и тянувшегося к ним мещанства. Особенным покровительством пользовался спиритизм в великосветском обществе, в приближенных ко двору кругах и в самой царской семье. Известными спиритами были, например, великий князь Николай Николаевич, его брат Петр, их жены Анастасия и Милица. Все они рьяно занимались вызыванием духов, теургией, оккультизмом.

Мистические настроения господствовали над душами, владели умами и самих венценосных правителей России. Жена Николая постоянно

была окружена целой свитой звездочетов, предсказателей, ясновидцев, магнетизеров. Несколько лет жил при дворе специально приглашенный из Франции эстрадный гипнотизер. Он должен был внушить царице, все время рожавшей дочерей, надежду на рождение сына. И только когда Александра Федоровна в четвертый раз разрешилась от бремени дочерью, решилась наконец прогнать этого шарлатана.

Особенно любила царица ездить по монастырям к скитам — беседовать со схимниками, монашками, богомолками. Широкую известность получило ее паломничество за предсказанием ожидавшей ее судьбы к 166-летней старице Десятинского монастыря Марии Михайловне. Между прочим, старица подарила своей порфиноносной гостье яблоко и сказала: «Береги царя — ему трудно». Известно, что в народе яблоко считается символом головы. Впоследствии толкователи пророчеств десятинской пифии осторожно намекали, что своим поступком она хотела подчеркнуть: «Царь слаб головой, оттого ему и трудно править». Главной мечтой царицы было найти себе старца-утешителя — вроде Тихона Задонского или Серафима Саровского.

Сам Николай также сильно тяготел к сверхъестественному, загадочному, таинственному. Вот почему он и его семья всегда оказывали самое щедрое покровительство различного рода проходимцам-мистикам, вроде оккультиста Филиппа, мага Папюса, юродивого, или, вернее, юродствующего для своей выгоды, Мити Козельского, Матрены-босоножки...*

Поощрение и разжигание мистицизма в стране, как видим, шло сверху. Этому активно способствовали многочисленные специальные журналы: «Спиритуалист», «Ребус», «Вестник оккультных наук», «Сфинкс» и др. В них печатались очерки и рассказы о необычайных секретах и чудесах индийских факиров и йогов, о сверхъестественных таинствах культа Митры, об «откровениях», почерпнутых спиритами из «общения с духами умерших и загробными силами»... Книжный рынок захлестнул поток шарлатанских изданий, в которых проповедовались давно опровергнутые наукой представления о существовании внутри человека неких сверхъестественных сил вроде пресловутого «магнетического флюида», с помощью которых якобы можно легко и просто достичь богатства, успеха в обществе, любовных побед, умения предсказывать судьбу и тому подобных заманчивых вещей. Авторы обещали научить читателей открыть и развить в себе такие чудо-способности.

---

* См. в № 3 журнала «Наука и религия» за 1973 г. ст. В. Архипенко «У царевой кормушки».

Стремилась не отставать в широком распространении мистики и церковь, хотя внешне, формально, ее деятели старались отмежеваться от таких крайних мистических форм, как оккультизм, спиритизм и т.п. Часто то здесь, то там возникала и ширилась молва о явленных иконах, о чудотворных мощах. В церквях и монастырях вещали различные пророки и пророчицы, которым якобы сам Господь Бог давал силу прозреть и видеть будущее, подать спасительный совет, научить, как поступать в самом запутанном случае.

Особенно активизировались разного рода духовные и телесные «целители». Гремели имена иеромонаха Илиодора и первого из первых в искусстве «чудесного исцеления» и «бесоизгнания» протоиерея Иоанна Кронштадтского. Как никто другой, умел он истошными воплями разжечь эпидемию истерического иступления среди своих поклонников, до отказа переполнявших Андреевский собор Кронштадта. И отсюда, с припадочных сборищ, в которые превращались его коллективные исповеди (по определению одного психиатра — «сумасшедший дом на свободе»), бежала о нем молва во все уголки необъятной России как о великом утешителе и врачевателе словом Божьим. Кликуши и фанатики, изуверы и ханжи организовали специальную секту «иоаннитов», чтобы и после смерти своего учителя разносить о нем молву по всему «божьему свету».

И все-таки пальма первенства — и в достижении высших вершин позорной славы в этой области, и в обретении реального, а не мистического могущества — досталась не дипломированному проповеднику Иоанну, а безграмотному мужику, деревенскому бродяжке Гришке Распутину. Он сумел пробраться к самому трону и стать ближайшим другом, советчиком и наставником царствующих Романовых.

Хлыщ, хлыщ, Христа ищ!

...В тот день Гришке шибко не повезло.

Подумать только: не он ли был самым ловким мастаком по части краж, какой когда-либо водился не только в Покровской слободе, но и, почитай, в Тюменском уезде, а может, и во всей Тобольской губернии. Увести лошадь средь бела дня — это для него дело пустое, а чтобы его кто поймал — никогда! Уж больно проворен и ловок. Пороть по приказу исправника — пороли. Это точно! Но завсегда, как говорится, в назидание, по подозрению — ибо уж очень безобразно себя вел и известно было: на все поганое способен. Но ему от этих пороков беда выходила малая — уж больно жилист и крепок был. Такого ни розгами, ни плетью, ни даже батогами не прошибешь. Встанет,

бывало, сплюнет, матерно выбранится — и за прежние художества принимается.

Так и велось в селе: как где какая кража, пьяная драка, девку обидели или какое другое безобразие — в первую очередь вспоминали Гришку Распутина. Недаром всем миром ему, варнаку проклятому, и кличка такая была дана...

А тут нате — попался! С жердями в руках! И на кой дьявол оно ему нужно было — это остожье! Прямо с ним и напоролся на соседа Кортовцева. Тот ляды точить не стал — вырвал кол из ограды и пошел на Гришку... Ох, и бил же! Под конец так изловчился, что ударил по голове. Тут даже распутинская сила сдала: свалился вор в беспамятстве. А Кортовцев так раззадорился, что и остановиться не может — лежачего еще несколько раз огрел. Видит, конец пришел подлецу, на радость всей деревне. Остановился, стал пот утирать, ан Гришка заворочался. Поднял его тогда Кортовцев, велел остожье взять и с ним идти в волостное управление, пусть там и рассудят. А Гришка не хочет, упирается. Тогда со всего маху его еще раза два ударил и отступил — поднял жердины и ушел...

А тут как раз еще и лошади у Кортовцева пропали, словно корова языком слизнула. Тогда по приговору общества решили Гришку и двух его дружков-собутыльников Константина и Трофима выслать из села вон — в Восточную Сибирь. Но пока суд да дело, бумаги казенные туда-сюда ходили, ушел Распутин из села. И куда же — в Верхотурский монастырь Пермской губернии, на богомолье. «За отца, говорит, пойду. Он дал обет пешком до тех мест дойти, святым угодникам поклониться, да стар, неможется ему, а я схожу». Ну, что ж, может, и одумался Гришка. К тому же и Кортовцев говорил: после его «ученья» Распутин переменялся, вроде бы образумился, попритих...

И потащился новоявленный паломник по Руси, держась поближе к церквам да скитам. Слушал по пути странников и странниц переходящих. Многому удивлялся, кое-что не понимал, но главное для себя уразумел: не по нутру его нраву православие церковное. Тогда и пошел он к хлыстам, «божьим людям». Так начались его скитания, но уже не в одиночестве, а со странницами.

В Покровское вернулся другим человеком: бросил пить, курить, мясо есть — юродствовал, святого из себя представлял. А около кружок собрался — три парня, две приبلудшие странницы да сестры Печеркины — Дуня с Катей. Стали они молиться в подполье распутинского дома, а перед тем мыли Гришку в бане и пили воду после того мытья — вроде бы к святости его приобщались. Печеркины так даже на руках его из бани выносили и ноги ему с молитвами целовали — Христом он у них стал.

Не выдержали односельчане — пугнули их тут всем обществом за такое безобразие. И сдуло их, как ветром: ушел в новые скитания Гришка, и странницы за ним потащились. Не видели его в селе после этого много лет. А когда опять объявился — уже сильным человеком стал: у господ и царей принят. Григорием Ефимовичем тогда его величали. По-другому и не скажешь! Но если по совести спросить у любого деревенского — один ответ: как был Гришка вор и мошенник, распутник проклятый, так им и остался, только что шелковые рубахи носить стал...

На этом, дорогой читатель, расстанемся с жителями села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии, односельчанами Распутина. От них мы узнали о ранней биографии всесильного временщика. А теперь познакомимся с тем, какие же психические состояния возникают во время молений у некоторых сектантов и какую создают возможность порабощения мыслей и воли людей.

Как известно, мистические секты стремятся достичь какого-то осязаемого общения с Богом, духовным началом. Весьма ярко это выражается в установлениях секты Христовой веры, или, как их называли в народе, хлыстов, а также у христиан евангельской веры, или пятидесятников.

Хлысты впервые появились в России в середине XVII века. Они не признавали священников, отвергали православные обряды и таинства и вначале требовали сурового аскетизма, который затем постепенно исчез, так как секта изменила свою социальную направленность и в ее деятельности большую роль стали играть буржуазные элементы. Секта делилась на религиозные общины — «корабли». Название «хлыст» сектанты считали обидным, оскорбительным и именовали себя «людьми божьими». Их богослужения носили мистико-экстатический характер. Основное в их учении — вера в то, что если с усердием послужить (порадеть) богу, то можно добиться сошествия Духа Святого с неба на землю, почувствовать в себе живого Бога, а в особо праведного человека может вселиться сам Христос. Такие «живые христы» нередко стояли во главе общин. По мнению некоторых исследователей, название секты идет от хлыстов, которыми стегали себя «божьи люди», доходя до наивысшего исступления во время молитвенных собраний — радений.

С точки зрения психопатологии, эти радения представляют особый интерес. На них с предельной откровенностью обнажается та высшая степень болезненного экстаза, в которую приводили себя сектанты, чтобы, как они говорили, «вдохнуть в себя живого Бога». Происходили радения чаще всего по ночам. Молящиеся переодевались в длинные

белые радельные рубахи, в руки брали полотенца и зеленые ветки. Молитвенное собрание начиналось спокойно и сдержанно — со взаимных приветствий, пения религиозных песен, молитв, чтения текстов священных книг. Затем все вставали и начинали медленно ходить друг за другом в такт пению, образуя круг. Вскоре медленное хождение переходило в быстрое, шаг — в бег и прыжки, пение и молитвы — в воющие призывы к духу, крики, взвизги, стоны. Темп все время нарастал, членораздельная речь утрачивалась... Картины радений с большой художественной силой — хотя и далеко не во всем верно — изобразил И. И. Мельников-Печерский в романе «На горах».

«Живей и живее напев, быстрее и быстрее вертятся в кругах. Не различить лица кружащихся. Радельные рубахи с широкими подолами раздуваются и кажутся белыми колоколами, а над ними веют полотенца и пальмы...

Быстрее и быстрее кружатся. Дикие крики, резкий визг, неистовые вопли и стенанья, топот ногами, хлопанье руками, шум подолов радельных рубах, нестройные песни сливаются в один зычный потрясающий рев...

Все дрожат, у всех глаза блестят, лица горят, у иных волосы становятся дыбом. То один, то другой восклицают:

— Ай дух! Ай дух! Царь дух! Бог дух!

— Накати, накати! — визгливо вопят другие.

— Ой ева! Ой ега! — хриплыми голосами и задыхаясь, иступленно в диком порыве восклицают третьи.

— Благодать! Благодать! — одни с рыданьем и стонами, другие с безумным хохотом голосят во всю мочь вертящиеся женщины...»

Нередко к концу такой «плясовой молитвы» наиболее внушаемые и истеричные впадали в корчи и судороги. Тогда-то и начинали им чудиться «небесные голоса» и «призрачные видения». В этом состоянии помраченного сознания сектанты, срываясь с голоса и часто запинаясь, как будто против своей воли (хлысты считали: именно это доказывает, что делается так «по наитию свыше», «по воле Духа Святого»), произносили полубессознательные слова. А остальные молящиеся принимали их за речения самого духа, за пророчества, «живое слово» Бога.

Дошедшее до такого крайнего предела безумное умоисступление радеющие не только не старались успокоить или облегчить, а, наоборот, воспринимали восторженно, называли «хождением в слове». Заслышав в общем шуме сбивчивую и темную речь того, кто прежде других впал в умственное беспамятство, остальные в восхищении восклицали: «Эка милость, благодать, стали духом обладать!» «Дух Святой, Дух накати!» А у секты пятидесятников выкрикивание нечленораздельных звуков

во время религиозного экстаза называлось «ангельским наречием», или говорением «на иных языках».

На самом деле такое «говорение» — есть не что иное, как хорошо известная в психиатрии глоссолалия — психогенная речевая спутанность. Она обязана своим возникновением истеро-невротическим свойствам личности, поставленной в определенные благоприятные для такого явления условия. А условия эти создаются в моменты религиозного экстаза и исступленного, длительного, целенаправленного внушения и самовнушения.

К этим-то «божьим людям» и потянулся Григорий Распутин...

Была, однако, в учении христоверов еще одна сторона, тоже весьма привлекавшая людей, подобных Распутину. Это, по сути дела, — освященный верой разврат. Этому вопроса необходимо коротко коснуться, так как без его освещения «деятельность» знаменитого «старца» не может быть понята до конца.

С самого начала своей страннической карьеры и до конца ее, уже достигнув вершин силы и могущества, Распутин старательно твердил о том, что женщины должны подчиняться, смирять свою гордыню, унижаться перед ним. Своих поклонниц он заставлял прислуживать ему обнаженными, целовать ему руки и ноги, мыть его. И при этом он еще стегал их поясками.

Знаменательно, что царица в виде особой милости раздавала такие пояски старца офицерам, ехавшим на фронт. Она полагала, очевидно, искренне, что пояски «святого старца» могут оберегать от вражеской пули. А с точки зрения специалиста-медика, подобные действия Распутина носили вполне определенный характер половой психопатии садистского оттенка. И для нас вполне очевидно: эти болезненные наклонности «святого старца», конечно же, обрели благоприятную почву в хлыстовской обрядности. Вспомним хотя бы, как во время радений «божьих людей», входя в раж, бичевали себя или друг друга и исступленно кричали: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!» Ведь очень похоже поступал Распутин со своими поклонницами. О том, какова природа этого явления и каким образом оно может быть связано с религиозными чувствами, разговор особый.

После сказанного мы думаем, что читателю ясно, какие стежки-дорожки привели Распутина к хлыстам, поучавшим: плотская связь с духовными женами (то есть всеми женщинами, входящими в секту) не составляет греха, ибо это есть не проявление плотской похотливости к разврату, а духовная, чистая «христова любовь». А если сюда прибавить еще догмат о вселении Христа в особенно правоверных хлыстов, то это уже вполне удовлетворяло пылкое стремление старца

Григория доминировать, «яко Бог», над своими единомышленниками, и в первую очередь над женщинами. Очень ему нравилось являться перед ними в роли карающей силы, с плетью в руке! И чтобы они в молитвенном поклонении пресмыкались у его «святых» ног.

Старец-утешитель

Нельзя утверждать, что Распутин стал истинным и ревностным последователем секты Христовой веры. Когда он вторично ушел из родного села, то побрел по Руси, как обычный странник-богомolec, каких в то время немало ходило по дорогам страны — по монастырям и церквам, по «святым источникам» и скитам. Неискушенные в богословских тонкостях такие странники-богомольцы отдавали дань всему, что, по их мнению, было угодно Богу, — и официально православию, и различным православным сектам. И везде их принимали как божьих людей — кормили, поили, внимали их мистическим рассказам, иногда искренним, нередко — надуманным специально, на потребу слушателям, откровенно шарлатанским. Бывало, что о некоторых таких тунеядцах-святошах разносилась молва как об особо «святых» праведниках, несущих утешение и исцеление. К ним верующие относились с большим почтением.

Гришке нравилась такая бродячая жизнь с ее приключениями и почетом, который ему нередко оказывали люди — не чета его односельчанам. Да и легкие средства к жизни давала ему она при полном безделье. И он пользовался этим вовсю. Шел он всегда в окружении своих единомышленниц, истерических поклонниц, кликуш и богомолоч хлыстовского толка. С «невестами христовыми» шел, с голубицами. Не скучал! Отплясывал трепака часами. Радел и не знал усталости. И в православных церквах бывал... А поклонницы молву о нем разносили. И слава его росла, уже шла впереди него...

— Слыхали, в Сибири праведник объявился, на три месяца дождь заговорил, как Илья Пророк — Гришей его зовут... — с умилением рассказывал своим слушателям инспектор Петербургской духовной академии, впоследствии ставший благодаря распутинской протекции ее ректором отец Феофан. — Видно, большой святости человек!

А между тем этот «праведник», молясь и веселясь, от села к селу, от монастыря к скиту, от города к городу добрел наконец до столицы Российской империи, до самого Санкт-Петербурга.

В 1903 году они увиделись впервые — будущий могущественный временщик и Феофан. Распутин в то время еще мало выделялся среди сонма странствующих по России тунеядцев-святош. Вот как описывал

его иеромонах Илиодор*, в бытность свою слушателем Петербургской духовной академии зашедший к Феофану и заставший своего покровителя за беседой с уже начавшим входить в известность праведником:

«Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздуты, как у нищего, кидающего туда всякое съедобное подаяние; брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своею широкою отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем; особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове “старца” были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалявшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у “старца” были корявы и нечисты; под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры “старца” несло неопределенным, нехорошим духом».

Но успех был уже совсем близок. Петербург не обманул тщеславных надежд «старца». О нем вскоре заговорили со все нарастающей силой. А уж когда Распутин пришел в Александро-Невскую лавру представиться знаменитому Иоанну Кронштадтскому, сей прославленный «чудотворец» не заставил долго ждать бывшего конокрада. И они понравились друг другу.

Ходил Распутин и в кронштадтский Андреевский собор — учиться у целителя Иоанна доводить до неистового исступления толпу обезумевших фанатиков. С восхищением говорил: «Вот отец Иоанн, хоть и ростом не велик, а какую уйму народа покоряет с одного слова. Молодец, батя!» Однако завидовать у Гришки особенных оснований не было — очень быстро росла его собственная слава.

С осени 1904 года Распутин поселился в столице, а уже на следующий год был введен тем же Феофаном в дом великого князя Николая Николаевича. Там от него все пришли в восторг. С ним стремились познакомиться многие представители знати, высшего света. Особенно пленяет он великосветских дам, в первую очередь Лохтину и всеильную фрейлину и подругу царицы — Вырубову. А в 1907 году Распутин достигает вершины успеха: Николай Николаевич вводит его в царскую семью. Там-то он и обосновался весьма прочно почти на десять лет, до самой своей смерти. Обосновался не как слуга и приживальщик,

---

* См. в № 9 журнала «Наука и религия» за 1988 г. ст. В Архипенко «Заговор Илиодора».

а как хозяин и наставник, отняв, — по меткому выражению одного современника, — у царя и корону, и жену.

Вот несколько эпизодов-штрихов на его пути к головокружительной карьере.

Фрейлина Вырубова, недалекая, поверхностная, но очень самоуверенная, упрямая женщина, мистически настроенная истеричка. Это очень ее сближало с царицей, и та оказывала ей всяческое покровительство. Дело дошло до того, что пресловутый «маленький домик Вырубовой» — ее дача в Царском Селе — стал, по образному определению управляющего Министерством внутренних дел тех лет Протопопова, «папертью власти». Туда обращались за покровительством и протекцией те, кто просил о передаче своих просьб «далее» — царю.

И нередко случалось, что просьбы, отклоненные по законным каналам, при подаче их через Вырубову, с черного хода дворца, получали полное удовлетворение. Постепенно «маленький домик» стал прибежищем темных дельцов, махровых спекулянтов и авантюристов всех мастей. Целыми днями они, как мухи над навозной кучей, вертелись вокруг всеильной хозяйки. Всем им было известно: фрейлина — самый доверенный человек царской семьи. Царица и часу без нее не могла обойтись: не успеет она уйти из дворца, как уже бежит посыльный с письмом — Александра Федоровна хочет обменяться с наперсницей мнением по только что возникшему вопросу. И та или опять идет во дворец, или с тем же посыльным отправляет пространный ответ, как было принято в их переписке, на английском языке, с рекомендациями и советами.

Как и царица, экзальтированная фанатичка Вырубова мечтала встретить «старца-утешителя», врачевателя душевных ран. На всю жизнь ей запомнилось, как в 1902 году, будучи больна брюшным тифом, она попросила пригласить к ней Иоанна Кронштадтского, молитва которого, как она считала, должна помочь истинно верующему человеку. «Святой целитель» пришел и отслужил молебен, а Вырубова потом умиленно говорила:

— Я сразу после его ласковых слов, после молитвы его чудотворной на поправку пошла. Снял болезнь, как и не было ее. И, что главное, с того дня мне веру настоящую открыл. Явилась мне через него милость Божья, и я поняла, что прежняя моя вера — это была еще не та, не настоящая вера, которая должна быть в человеке для счастья его. А теперь есть у меня эта вера. Дал он мне ее...

В 1907 году, за год до смерти Иоанна Кронштадтского, познакомилась Вырубова с Распутиным. Она была очень взбудоражена своей предстоящей свадьбой, напряжена. Происходило это в гостиной уже

упоминавшейся нами великой княжны Милицы Николаевны, сидели они там вдвоем:

«Беседовали мы тогда о книгах “Старчество”, “Святоотеческие предания”, “Отечник”, и вдруг Милица Николаевна многозначительно говорит: “А ведь бывают люди, особо одаренные свыше и обладающие даром провидения”. А я была ею же предупреждена, что к ней в это время должен прийти старец Распутин. Ну, понятно мое усилившееся любопытство, а вместе с тем какое-то, я бы сказала, внутреннее предчувствие, что вот именно сейчас произойдет что-то необычайно важное и для меня значительное. А Милица Николаевна, как будто читая мои мысли, мне говорит: “Попросите его, о чем хотите, — он помолится, он все может у бога...”»

Вдруг открылась дверь в соседнюю комнату, и оттуда вышел сам столь напряженно ожидаемый чудотворец. Но предоставим опять слово Вырубовой:

«Распутин поцеловался с Милицей Николаевной, а затем последняя представила ему меня. Он был одет в простой черной сибирке, и меня поразили его пронизательные глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза. Мы втроем стали ходить по комнате, Распутин начал расспрашивать меня о том, чем я занимаюсь, где я живу и т. п., и я, озабоченная предстоящим браком, так как очень мало знала своего жениха, спросила его о том, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что он советует мне выйти замуж, но что брак будет несчастлив. Весь разговор длился минут 10–15, и я уехала».

Но хотя коротка была эта встреча, она сразу стала знаменательнейшим событием в жизни всемогущей фаворитки царицы. Распутин и Вырубова весьма преуспели в искусстве влияния на умы венценосных правителей России. Правда, Распутин неизмеримо обошел фрейлину, потому что в первую очередь совершенно подавил и поработил ее самою. Таким образом, именно она, вместо того чтобы стать ему завистливым конкурентом на пути к царским сердцам, превратилась в его преданнейшего раболепного проводника в этом направлении.

Следующая встреча произошла у них через год по пути в Царское Село, куда Распутин, как и всегда, ехал в обществе какой-то молившейся на него дамы. По собственному ее признанию, Вырубова очень обрадовалась, что судьба опять свела ее со старцем, о котором она все время думала со времени их первой встречи, тем более что его предсказание о несчастливом браке полностью оправдалось. Она стала тут же просить его о встрече, чтобы рассказать ему о своей несчастной жизни. После этого их встречи сделались регулярными, и Вырубова до конца дней старца вошла в круг его преданнейших поклонниц, стала верной его помощницей. С чувством восторженной радости исполняла она роль

одной из наиболее прочных ступенек в той лестнице, которая вознесла его вверх.

Интересна одна подробность, которая явственно проступает с первой же минуты знакомства Вырубовой с Распутиным и о которой она сама говорила потом не раз. Эта подробность примечательна тем, что о ней любили распространяться и другие поклонницы старца, причем тем чаще и взволнованнее, чем более мистически настроенными и истеричными они были. Речь идет о том впечатлении, которое на них производили глаза Распутина. Характеристику этих глаз, данную Вырубовой, мы уже привели. А вот что писала другая знатная дама из его близкого окружения — Джанумова:

«Темная борода, удлинненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили и меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается».

Другим, например Пругавину, его глаза казались «зелеными, окруженными сетью морщин». Но дело, конечно, не в субъективной оценке цвета глаз и не в мистического характера утверждениях, будто глаза старца оказывали столь сильное воздействие. Если отбросить эти явные вымыслы, то и тогда все-таки складывается впечатление, что Распутин, несомненно, использовал свои природные данные для гипнотического воздействия на поклонниц. И очевидно, делал это не только и, правильнее сказать, даже не столько при помощи одних глаз, сколько всем своим поведением, жестами, разговором, манерой общения. В этом отношении интересно познакомиться с впечатлениями такого объективного свидетеля, каким был В. Д. Бонч-Бруевич. Он специально поехал в один салон, где бывал Распутин, чтобы понаблюдать за ним.

«Свободной, легкой походкой, — писал позднее Владимир Дмитриевич о старце, — вошел он в гостиную... Подходя к женщинам, он тотчас же расспрашивал, замужняя ли. А где муж? Почему приехала одна. Вот были бы вместе — посмотрел бы я вас, каковы вы есть, как живете... Мое внимание прежде всего обратили его глаза: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова...

Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина,

и тогда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет... Иногда он начинал быстро ходить по комнате, немного приседая и сгибаясь, быстро потирая руки... Окружающие начинали шептаться и говорили, что он что-то угадал, что он сказал правду, что он многое видит, и начинало создаваться настроение, нервно повышенное, которое можно наблюдать и в монастырях, вокруг старцев, прорицателей и пр.».

Вполне очевидно, что такая манера поведения Распутина, безусловно, была проявлением его величайшего самомнения, глубокой убежденности в своих, конечно же, мнимых сверхъестественных возможностях. В этом отношении он вполне мог быть объектом психиатрического анализа. Врач-психиатр, опираясь на известные в настоящее время материалы, имеет тут серьезные основания предполагать, что Распутин страдал параноической психопатией или, возможно, психопатией истерического круга со сверхценными идеями религиозного характера.

Немалую роль играли здесь и особенности механизма взаимодействия сознательного и бессознательного. Ведь у личностей, подобно Распутину отличающихся способностью оказывать впечатляющее влияние на некоторых людей, такое очевидное преобладание в поведении интуитивной, бессознательной мотивации проступает зримо. А именно это притягивает и покоряет людей, религиозно и мистически настроенных, так как сильно действует на их чувства, укрепляя их предуготовленную настроенность, желание испытать на себе воздействие реальных, по их убеждению, сверхъестественных сил.

Но, конечно же, поведение Распутина было одновременно и хорошо продуманным, заранее тщательно отрепетированным исполнением роли. Это видно хотя бы потому, что свое поведение он варьировал в значительных пределах — в зависимости от места и общества, в которое попадал. То, что он сознательно шлифовал свою способность производить соответствующее впечатление на людей, подтверждается также фактом, о котором рассказал на следственной комиссии Временного правительства Белецкий. Этот бывший директор департамента полиции установил, что в конце 1913 года Распутин тайно брал уроки у одного петербургского гипнотизера. «Учитель» считал старца очень способным учеником благодаря, как он говорил, «сильной воле и умению ее концентрировать».

Собрав сведения об этом гипнотизере и выявив, что он — аферист, Белецкий его припугнул, и тот быстро уехал из Петербурга. Прекратилась ли на этом «учеба» Распутина, или он нашел другого учителя — неизвестно. Зато известно другое: в отношении Вырубовой

он, несомненно, применял гипнотические приемы. На той же следственной комиссии Временного правительства, посвященной выяснению причин падения царского режима, близкий к Распутину князь Андронников показал:

«...Когда Вырубову после крушения поезда вытаскивали из-под обломков, она все время кричала: “Отец, отец, помоги!” (это про Распутина). Она верила, что он ей поможет... Так оно и вышло... Когда он приехал в Царское, то тут около больной Вырубовой стояли бывший государь, государыня, вся царская фамилия, то есть дочери, и несколько докторов. Вырубова была совершенно безнадежна. Когда Распутин пришел, он поклонился, подошел к ней и начал делать какие-то жесты и говорить: “Аннушка, слышишь ли?”, и она, которая никому ничего не отвечала, вдруг открыла глаза... Это гипноз. Про это мне подробно рассказывала, кажется, та же Нарышкина...»

Нам остается только добавить: правильно, это действительно было гипнотическое воздействие со стороны Распутина, вступившего в контакт с не реагиовавшей ни на что Вырубовой, слепо веровавшей в необыкновенные свойства старца. Вера по механизму самовнушения помогла ей в борьбе с болезненным состоянием. Чуда никакого не было, да и быть не могло. Это уже тогда начинали понимать даже такие мало что смыслившие в подобных делах великосветские посредственности, как князь Андронников. В наше время, когда уже подробно выяснены физиологические механизмы гипноза и силы слова в нем, миф о «чудесных исцелениях» рассеялся, а факты, которые деятели религий всех времен и народов старались обыгрывать в выгодном для себя смысле, получили четкое и ясное материалистическое истолкование. Их причины кроются в особенностях психической деятельности мозга.

Не без успеха применял Распутин и самовнушение. Когда несколько лет спустя после описанной железнодорожной катастрофы подосланная Илиодором фанатичка Хиония Гусева (в прошлом распутинская поклонница), пробравшись к нему в селе Покровском, пырнула его ножом в живот, положение старца все считали безнадежным. Августейшие покровители направили в далекое путешествие своего лейб-хирурга Федорова. Газеты поспешили сообщить, что Распутин убит, погиб от общего заражения крови. Состояние его действительно было тяжелым. Однако трагической развязки не последовало. Бывшие в это время около него люди рассказывали, что он упорно часами твердил: «Выживу, выживу, выживу!..» И выжил.

Еще два свидетельства очевидца, относящиеся к области распутинского гипноза.

Упоминавшаяся Джанумова в своих воспоминаниях о Распутине сообщает о том, как она была у него дома, когда ему позвонили из дворца и сказали, что наследник не может заснуть — у него болит ухо. На это Распутин ответил в трубку*:

— Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону! Ты, что, Алешенька, полуночицаешь? Болит? Ничего не болит! Иди сейчас же ложись. Ушко не болит! Не болит, говорю тебе! Слышишь? Не болит. Спи!..

Через 15 минут сообщили, что ребенок заснул.

Второе касалось самой Джанумовой. Она однажды пришла к Распутину, сильно взволнованная болезнью племянницы, и спросила у него, что с той будет. «Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руку и сказал глухо: “Она не умрет, она не умрет, она не умрет!” Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску».

Сомнамбулическая стадия гипноза всегда производит большое впечатление на людей, малознакомых с этим явлением. Приобретаемая в ней способность загипнотизированного к снохождению (что, собственно, и означает это слово — сомнамбулизм), возможность отвечать на вопросы и выполнять приказания гипнотизера, оставаясь в состоянии сна, поражает. Вызывают большое удивление также изменения (зависящие от перестройка режима мозговой деятельности в этой области гипноза), которые претерпевают привычные нам способности сохранять положение тела в пространстве. При этом возникает особое состояние восковой гибкости — так называемой каталепсии: загипнотизированный может на длительное время застыть, как статуя, без малейшего движения, в самой неудобной и вычурной позе*.

Все это, вместе взятое, легко может создать у мистически настроенного зрителя ложное впечатление о неземной отрешенности, об общении с потусторонними силами, о прозрении будущего.

Общее мнение людей, знавших и специально наблюдавших Распутину, сводилось к тому, что ему нельзя было отказать в уме, находчивости и хитрости, в большой житейской сметке. Он неплохо понимал психологию людей, особенно мистически настроенных. Это тоже в значительной степени способствовало его карьере, наряду с гипнотическими приемами помогло ему создавать вокруг своей личности ореол ясновидца, утешителя и целителя.

---

* Подробнее см.: Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Легенды и правда о гипнозе. М., 1964; Они же. Гипноз и «чудесные исцеления». М., 1965.

И во дворец, до императорского трона дошел и, глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами...

Алексей Толстой

Я и есть — самый настоящий!

21 марта 1917 года крупнейший русский психиатр академик В. М. Бехтерев напечатал в «Петроградской газете» статью «Распутинство и общество великосветских дам».

...«Все, что известно о Распутине в этом отношении, — писал он, — говорит за то, что его сила заключалась вовсе не в гипнотизме, а во властном характере его натуры и умении поставить себя сразу до фамильярности близко ко всякой обращающейся к нему особе женского пола...

Каждую входящую даму “набожный” старец встречает в передней, прежде всего обводя своими “нежными” ручищами по всем линиям ее тела, как бы исследуя ее формы.

Этим приемом старец Распутин сразу достигает близости к входящей даме, которая становится с этих пор кандидаткой на его обладание.

...Если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще “половой” гипнотизм — каким, очевидно, обладал в высокой степени старец Распутин... Великосветское дамское общество, его окружавшее, представляло ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожал обильную жатву».

Понятно, что для прикрытия своих постыдных дел его поклонницы старались всю прославлять «святость» похотливого старца. Если бы тот же строй, при котором появился Распутин, существовал далее, не удивительно, что мы бы слышали о чудесах, творимых на могиле «святого Григория».

Так заключил прославленный ученый свою статью — первое научное разоблачение проходимца.

Мы уже отмечали грубо сексуальный фактор в воздействии Распутина на своих поклонниц — истеричных фанатичек. Тут он выступал как истинный последователь хлыстовской секты. Но были у него и некоторые свои особенности: если позволительно так выразиться, он любил тут теоретизировать. По свидетельству его почитательниц, нередко обратившаяся к нему по какому-нибудь вопросу просительница поучалась в таком духе:

— Не суши свое сердце без любви. Без света любви душа потемнеет, и солнце тебя не будет радовать, и Бог отвернет от тебя лик свой. Пожелал я тебя — от Бога это, и грех отказывать. Без любви я силы своей лишаюсь и ты отнимаешь у меня силу мою. Дай мне миг любви — и сила моя прибудет и для дела твоего лучше будет...

Нужен ли здесь какой-либо комментарий или анализ? Одно только можно сказать: до какой же степени маразма, духовного распада, до каких пределов глумления над всеми человеческими ценностями должна была дойти правящая верхушка царской России, чтобы почитать такого человека, увлекаться и восхищаться им! А ведь он действительно завоевал и покорила ее. Вот, например, воспоминание Вырубовой, как он вошел в круг интимных друзей царицы:

«В тот вечер мы в четыре руки играли с царицей “Лунную сонату” Бетховена, всегда ее очень трогавшую. В комнате был полумрак, и тут ввели приглашенного по ее приказанию Григория. Он — волосами и бородой черный, — вошел и встал у нас за спиной, в углу. Царица обернулась и как вскрикнет, она его от неожиданности приняла за привидение, и с ней началась истерика, а он подошел, обнял ее и стал гладить по лицу и голове и так тихо говорит: “Не бойся, милая. Христос с тобой”. А сам все гладит и гладит, а она и успокоилась и голову ему на грудь положила».

А вот свидетельства очевидцев о том, как просто был завоеван и покорен старцем сам самодержец всероссийский:

«За столом сидит государь, государыня с малолетним наследником на руках, их духовник отец Феофан и Распутин и беседуют о политическом положении России. Вдруг в момент паузы Распутин как ударит изо всех сил кулаком по столу. Все вскочили в смятении и испуге. Наследник громко заплакал, а Распутин подходит к царю и спокойным голосом спрашивает: “Где екнуло — в сердце али голове?” Царь, еще не оправившийся от испуга, показывает на сердце. А Распутин ему поучительно: “Ну, вот, то-то. Коли что будешь делать для Рассей, то спрашивай не ума, а сердца”».

Редко кто в истории имел такой авторитет у самодержавных владык, как Распутин у последних Романовых. Он был для них судьей, учителем, наставником. Царь и царица свято верили, что его молитва творит чудеса, что он единственный человек, способный помочь в лечении болевшего гемофилией наследника. Они даже полагали, что жизнь старца каким-то сверхъестественным образом связана с существованием их династии. Да и сам временщик настойчиво внушал им эту мысль, говоря, что когда его не будет, то и «двора не будет, и царя не будет, и Рассеи не будет».

Мистическое безумие доводило царя и царицу до того, что они становились перед старцем на колени, молились на него, целовали ему руки и ноги. К тому же Распутин, очевидно, являл собой для царя, очень далекого от простых людей и их нужд, еще некий образец представителя русского народа, который якобы поддерживает самодержавие, обогащает его своей жизненной философией и «здравым» взглядом на мир. Николай считал его спасителем трона, святым человеком, в которого вселился Христос.

Излишне говорить, что при таком положении власть Григория Распутина, по сути, не имела пределов. Все попытки наиболее трезвых и умных приближенных раскрыть царю глаза на истинное лицо старца и его тлетворное влияние успеха не имели.

Постепенно даже некоторые высшие деятели монархии, аристократы, близкие к царю, начинали понимать, что такое преклонение к добру не приведет. Не представляя себе истинных социально-экономических и политических причин многочисленных провалов царизма, военных неудач, развала хозяйства и т.п., они считали, что все дело в «этом мужике»: стоит его устранить, и все, мол, наладится. К ним присоединялись и некоторые представители высшего духовенства, считавшие, что Распутин своей деятельностью подрывает устои православия. Вот почему в последние годы жизни у старца появилось немало сильных врагов. Однако все их усилия неизменно вызывали у царя один ответ: «Григорий Ефимович — святой человек, а на святых всегда клеветают». Даже рассказы о том, что Распутин ходит в баню с женщинами, Николай II истолковывал так: «Я знаю, он и там проповедует Священное Писание».

Временщик между тем уже по собственному произволу снимал и назначал министров и высших сановников церкви. До нас дошли документальные свидетельства его могущества — безграмотные записки, нацарапанные корявым почерком на лоскутках бумаги. По этим указаниям крупнейшие чиновники должны были решать судьбы людей и важные государственные дела. Вот образчик такого послания на имя председателя совета министров Горемыкина (с сохранением орфографии подлинника):

«Дорогой старче божей выслушай ево он пусть твоему совет и мудросте поклонитца роспутин».

Правда, чаще были записки такого содержания, как та, что получил министр внутренних дел Хвостов:

«Министеру хвостову милой дорогой красивую посылаю дамочку бедная спаси ее нуждаетсяца поговори с нем григорий».

Зато великосветские утонченные дамы во время трапезы за столом у старца, откушавши из его рук поднесенное яичко, скорлупу

не оставляли, а с благоговейным трепетом прятали в свои роскошные сумочки — уносили на память как святыню. Уходя из распутинского дома, брали на память также черные сухари. Но высшим счастьем считалось заполучить нательную рубаху божьего старца и такую, которая погрязнее, дольше ношена. Эту «реликвию» носили на себе под тонким кружевным бельем до тех пор, пока она не превращалась в совершенные лохмотья. Тогда шли вымалывать другую. И царица тоже слепо верила в сверхъестественную силу всех вещей Распутина. Она писала царю: «Не забудь перед заседанием министров несколько раз расчесать волосы Его гребнем».

До какой степени падения доводила царствующую чету дремучая невежественная вера в целительность вещей старца, показывает следующий факт. Наследнику Алексею делали операцию, и вдруг хирург под тщательно простерилизованной простыней обнаружил грязный жилет. «Это еще что такое?» — воскликнул он в законном возмущении. Николай II успокоительно ответил: «Ничего, ничего, от этого вреда не будет, только польза. Это ведь Его (Распутина. — *В. Р.*) жилетка!»

Конечно же, царская чета и их приближенные старались все подобные факты сохранять в тайне. В этом отношении все было предусмотрено. Даже в ближайшем окружении царя было разделение на «своих» (тех, кто принят в кружке Вырубовой и Распутина) и «не своих». Были даже установлены специальные приемы общения, шифр для переписки, условная сигнализация, пароли и т.п., чтобы максимально сузить круг осведомленных о происходящем.

Но тщательно продуманная цепь конспирации обрывалась в наиболее существенном звене. Сам Распутин в силу своей необузданной и дикой натуры не умел, просто не мог соблюдать секреты. А вернее, сознавая свою полную безответственность и безнаказанность, видимо, просто не хотел, не был заинтересован их хранить. Напротив, разоблачения, по всей видимости, весьма льстили его самолюбию, возвеличивали в собственных глазах и в среде окружавшей его кучки банкиров, маклеров, частных ходатаев и проходимцев иного рода, успешно вершивших при его посредничестве свои грязные дела. Он обычно громко и безудержно хвастал своими подвигами, пьяный куражился по кабакам, похвалялся: «Царь мне ноги целует... Я Рассеей управляю, вот каков есть я!»

Широкую огласку, например, получил его пресловутый скандал в знаменитом тогда московском ресторане — «Яре». Предлогом для приезда в Москву послужила «духовная потребность старца», как сообщали газеты, помолиться в Успенском соборе Кремля, на могиле патриарха Гермогена. Утром это и было сделано. А вечером того же дня Распутин в окружении поклонниц и с ватагой охотнорядских купчиков кутил в от-

дельном кабинете «Яра». В кабинет пригласили прославленный цыганский хор во главе с Настей Поляковой. Шампанское лилось рекой. Сам старец стаканами пил свою неизменную мадеру, запивая ее стопками водки. Звенели цыганские гитары и голоса в «ангельски чистой» душе «святого старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых. Так величался он в последнее время по специальному указу царя, желавшего приставкой Новых очистить его старую скомпрометированную фамилию, а заодно подчеркнуть «великую» миссию старца — «обновить» Россию!

Разгулявшись основательно, Григорий вышел в центр образовавшегося круга и начал плясать,

В этом он был большой мастер, — плясал охотно и часто, часами не зная усталости, — сказывалась, видимо, практика, приобретенная на хлыстовских радениях, и неизбывная сила природы. Шум из кабинета проник в общий зал. Среди посетителей ресторана распространился слух о том, что это гуляет приехавший сегодня в Москву Распутин. Всем захотелось его увидеть, публика собралась у двери. Прибежал сам хозяин «Яра» Судаков. Огласка бесчинств царского временщика в его заведении пугала его, и он стал уверять своих «гостей», что в кабинете вовсе не Распутин. Ему не верили...

А между тем разошедшемуся старцу уже невозможно стало сдерживаться — ему, видите ли, стало жарко и он для прохлаждения снял брюки. Хористки стали браниться, поклонницы — восторгаться. Поднялся женский визг, купцы гоготали. Любопытные из общего зала стали ломиться в дверь... И тогда до слуха старца донеслись крики сдерживавшего толпу Судакова: «Да ей же богу, господа, не настоящий там Распутин, не н-а-с-т-о-я-щ-и-й!» Это ему показалось непереносимо обидным.

— Как не настоящий?.. Я и есть — самый настоящий! — с этими словами он ногой вышиб дверь в общий зал.

На следующий день вся Москва только и говорила о том, как ужинал Распутин после моления у гробницы патриарха Гермогена!

Царю сделали специальное донесение, а тот в ответ: «Клевета на святого старца! Он в порыве человеколюбия, трудов своих не жалея, денно и ночно молится за всех нас, грешных, а мерзкие завистники на него же, праведника, хулу несут!..»

«С чудовищным Распутиным во главе»

Став *persona grata* в царской семье, Распутин все больше и больше вмешивался в управление государством. Теперь он снимал и назначал по своему произволу не только высших чиновников и духовных чинов Священного синода, но и председателей совета министров, министров

и самых высших иереев Православной церкви. Так, по его наущению был снят холодно принявший его председатель совета министров Коковцев, а министром внутренних дел был назначен страдавший парасифилитическим заболеванием друг старца Протопопов. По поводу этого назначения ходили по рукам сатирические стихи:

Да будет с ним святой Егорий,
Но интереснее всего —
Какую сумму взял Григорий
За назначение его...

Почувствовав неограниченную власть, Распутин наглел все более и более. Не желая ни в чем себя сдерживать, он любой свой каприз превращал чуть ли не в государственный закон. И при этом помогал людям крайне нечистоплотным. Так, он сделал митрополитом сибирским своего дружка Варнаву, во многом на него похожего, неграмотного, развратного проходимца, замешанного в самых грязных историях. В Государственной Думе ходила по рукам анекдотическая телеграмма Распутина, связанная с этим назначением: «Суслик на Кавказ, — а к нам благословенье». («Суслик» была кличка митрополита Питирима, которого Распутин с понижением перевел во Владикавказ. «Варнава» — по-гречески — благословенье.)

Сложившееся положение, пожалуй, наиболее образно охарактеризовал в книге о Распутине «Святой чёрт» иеромонах Илиодор, сперва его друг, а затем завистник и враг: «В России нет Синода, в России нет царя, в России нет правительства и думы, в России есть великий Распутин, являющийся неофициальным патриархом церкви и царем великой империи».

Дело дошло до того, что даже прогнившая до конца монархическо-бюрократическая верхушка империи исторгла вопль осуждения царю. До какой же степени горького прозрения надо было ей дойти, чтобы депутат от монархической фракции Государственной Думы Скобелев воскликнул: «Распутинство в России есть явление закономерное и должность эта штатная!» А вот отрывок из доклада «О тлетворной деятельности Распутина», составленный другим членом Думы Маклаковым:

«Мистически-сексуальные извращения широко охватили самые верхи петроградского общества, вплоть до высших придворных кругов. Эта болезнь зашла так далеко, что вопрос этот подлежит компетенции не только политика, но и психиатра. Объективные данные о Распутине показывают, что историческая правда о нем звучит для двора хуже всякого навета, безудержной клеветы, хуже кошмарной сказки».

А «герой» этого доклада спокойно сидел в это время у себя на квартире, в отдельном флигеле по Гороховой улице. Беспokoясь за сохранность «драгоценного друга», царь приставил к нему специальную охрану — участились угрозы физически расправиться с Распутиным, и уже были покушения. И он — как бы под домашним арестом, один пойти никуда не может, обязательно в сопровождении городских.

«Папа, мама» — такова теперь постоянная форма его обращения к царствующей чете. А те только рады — такое обращение обозначает хорошее расположение духа у божьего человека, и главное, что он ими доволен — «сподобились» не прогневить старца...

Нет нужды подробно останавливаться на том, как в тщетной попытке спасти тонущий царизм слепые его приверженцы, полагая, что вся беда трона в одном Распутине, организовали в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года его убийство. И тут могучий здоровьем старец задал им работы. Убивали в особняке одного из высших представителей потомственного дворянства князя Феликса Юсупова. Участвовали лидер махровых черносотенцев, организатор погромного «Союза русского народа» Пуришкевич и ближайший родственник царя великий князь Дмитрий Павлович. Распутина угощали отравленным вином и пирожными с цианистым калием. Он все съел и выпил без заметного изменения в самочувствии.

Тогда перешли на огнестрельное оружие. Первым в упор стрелял Юсупов — Распутин упал. Полагая, что он мертв, сиятельный убийца побежал на второй этаж особняка, где прятались два других заговорщика, чтобы порадовать их приятной вестью. Но когда они спустились вниз, Распутина уже там не было: «мертвый» старец, переваливаясь с бока на бок, проворно бежал по двору к воротам, оставляя на снегу кровавый след, и кричал: «Погоди, Феликс, все скажу царице!» Тогда в него дважды выстрелил Пуришкевич. Он опять упал, но когда убийцы подбежали к нему, вновь зашевелился. Выбегая во двор, Юсупов схватил тяжелый бронзовый подсвечник, и теперь все трое навалились на Распутина, а Юсупов, в совершенном иступлении, наносил ему удары по голове этим подсвечником.

Когда наконец Распутин перестал шевелиться, тело втиснули в автомобиль и поехали на окраину города, к заранее облюбованной проруби на Малой Невке. Туда, под лед, и затолкали это упорно не желавшее расставаться с жизнью тело. И долго потом еще шли споры: мертвым был засунут в прорубь старец или он еще дышал? А велись они не только из любопытства или желания поразить жизненной силой Григория. Был в этих спорах и чисто практический интерес...

Тотчас же после смерти старца царь и царица объявили Григория Ефимовича Распутина-Новых мучеником, принявшим страдание во спа-

сение России. Встал вопрос о его причислении к лику святых. А по существу в Православной церкви положению утопленник не может быть святым. Так что вопрос принимал совершенно не праздный характер. Царская чета обязательно хотела иметь еще одного святого, и притом своего, самого любимого и почитаемого — Григория-великомученика.

Была организована специальная судебно-медицинская экспертиза, которая не нашла в легких у трупа воды. А это уже убедительно свидетельствовало о том, что погибший был мертв до погружения в воду. Следовательно, к вящей царской радости, препятствие для канонизации отпадало. И стать бы Гришке Распутину официально признанным Православной церковью святым, не случись два месяца спустя Февральская революция.

Обстоятельства гибели Распутина показывают, до какой степени злобы на него дошли сами же монархисты, приспешники царского правления. И через призму этой ненависти старец вырос в их глазах в гигантскую, демоническую в своем влиянии на судьбы страны личность. А между тем, несмотря на большую власть, он по сути был фигурой бутафорской. И дело вовсе не в том, что он мог повлиять на царя и какую-то министерскую шишку снять, а другую назначить. В этом отношении никакой разницы не было между выбором самого царя, распутинским протезе или другим фаворитом. Карты тасовались из одной и той же засаленной колоды.

Страна стояла у порога великого обновления. Но они, эти Распутины — и те, что из родовых, потомственных дворцов, с великосветскими манерами и аристократическим образованием, и те, что из бродяжек-святош, варнаков и конокрадов, — звериной злобой ненавидели это близкое уже тогда будущее и старались всеми силами задержать его приход. Они знали: им там места не будет.

Социально-политические аспекты этого явления, как отмечалось в первой части нашего повествования, ясны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Но остается еще одна его сторона, которая до сих пор вызывает непонимание: в чем же именно заключается тайна индивидуального влияния Распутина на царя, царицу и их окружение, каковы механизмы его воздействия на них. Достижения современной науки позволяют нам ответить и на эти вопросы.

Глазами современной науки

Многие из приведенных в нашем очерке фактов свидетельствуют о том, что Распутин обладал природным даром интуитивного проникновения в психологию людей и врожденными способностями

гипнотического воздействия. В сочетании с житейской хваткой ловкого и хитрого авантюриста, искусно прятавшего свои истинные побуждения и цели за напускной наивностью «открытой Богу души», это давало ему возможность покорить воображение истеричек, живших в постоянном ожидании чуда, погрязших в мистицизме самого примитивного толка.

Современный уровень психофизиологии и психиатрии позволяет дать объективный научный анализ механизма этого влияния, а гипнология — как раздел психотерапии, изучающий внушение в гипнозе, — способна объяснить не только общие закономерности, лежащие в основе этого психологического феномена в целом, но и последовательно рассмотреть его частности.

В одной из глав нашего очерка мы упомянули, что «покорения» и «прозрения» Распутина базировались на развитии у него в значительной мере способностей к интуиции. Такие способности объясняются личностными особенностями взаимодействия сознания и бессознательного в психической деятельности. Естественно, сюда относится и способность интуитивного влияния на подсознательную психическую деятельность других людей. Видимо, для большей ясности следует остановиться подробнее на этих феноменах, изучение которых в настоящее время — одна из первоочередных задач науки о функциях мозга человека и его поведении (как в норме, так и при патологических изменениях).

Чтобы понять эти в высшей степени сложные отношения и зависимости, необходим был определенный шаг вперед в развитии общей теории сознания. Он состоит в признании реальности бессознательного. Иначе говоря, у человека имеются специфические формы психической деятельности, которые он сам не осознает, но которые необходимы в его целенаправленном поведении. Эта неосознаваемая активность нашего мозга особенно важную роль играет в познавательной деятельности.

Огромное количество информации мы обычно усваиваем и перерабатываем, по сути дела не осознавая этого, то есть без участия высших уровней в иерархии наших управляющих систем. Это находит свое выражение, например, в некоторых особенностях научного и художественного творчества, в проявлениях интуиции, в автоматическом развертывании определенных форм восприятия и деятельности. Нередко впоследствии продукты такой неосознаваемой нами активности предстают перед нашим сознанием как бы неожиданно, в виде готовых логически последовательных ярких образов. Вот почему у некоторых религиозных или мистически настроенных людей они приобретают

характер своеобразных «озарений», как бы «наитий» свыше и питают тем самым мистические настроения, иррационализм — вплоть до наиболее его рафинированных философских систем. Неосознаваемая нами явно такая психическая активность может также играть определенную роль в возникновении и преодолении некоторых болезней. Это используется в современной психотерапии*.

Развитие научных представлений обо всем этом показало важность в таких процессах аффективно (аффект — бурная эмоциональная реакция человека) окрашенных переживаний, насыщенных глубоким для данного индивида смыслом, и как осознаваемых, так и неосознаваемых им психологических установок. Большое значение при этом имеет то, что нередко какой-либо факт, переработанный и усвоенный нашим сознанием, может стать главным условием, определяющим наше эмоциональное состояние.

В нашей психологии и психотерапии разработано материалистическое учение о личности, объясняющее механизм всех таких явлений. Ведущие звенья в этой теории — концепция о значимых переживаниях и о психологической защите.

Согласно этим представлениям, в процессе регулирования взаимодействия индивида с окружающей его социальной действительностью главная роль принадлежит не каким-то отдельным психологическим свойствам человека, а его личности в целом. Личность как система отношений субъекта к миру и к самому себе — это целостная иерархия значимых для данного субъекта психологических переживаний, установок. Она определяет своеобразие его внутреннего мира и поведения, характер согласования его внутренних побуждений между собой и с требованиями, предъявляемыми к нему социальной действительностью, конкретными жизненными положениями.

А психологическая защита личности — это форма активного приспособления ее сознания к определенным жизненным положениям, которые могут привести к психологической травме или же требуют от нее очень трудного и сложного приспособления. Механизм такой защиты заключается в том, что личность, сама того в достаточной мере не осознавая, пересматривает свою субъективную иерархию ценностей. Причем этот пересмотр направлен на то, чтобы отодвинуть на второй план, принизить, лишить значимости именно то, что может привести к психологической травме.

---

* См.: Руководство по психиатрии / Под редакцией проф. В. Е. Рожнова. М.: изд-во «Медицина», 1974. См. № 6 нашего журнала за этот год, подборку «Знахарство: истина и домыслы».

Таковы коротко основные посылки понимания личности, разрабатываемые материалистическим направлением современной психологии и психотерапии. Они позволяют нам реально заглянуть в систему сложного взаимоотношения, складывающегося между сознанием и бессознательным в психике каждого человека. А когда все это касается людей, у которых основной фокус их психических переживаний смещен в сторону мистических, иррациональных представлений, то у них такие взаимоотношения сознания и бессознательного приобретают соответствующую окраску.

Мистические представления с точки зрения психиатрической следует понимать как искаженное мирозерцание, в котором ускользающие от чувственного восприятия стороны действительности кажутся ирреальными и в то же время единственно существенными. Необычные явления природы представляются чудом, и лишь какая-то одна, часто второстепенная, сторона в процессе познания принимается за универсальный ключ к окончательной истине.

Порождаемые и обостряемые столкновениями с реальными трудностями жизни эмоции побуждают сознание, с одной стороны, искать причины этих трудностей и возможности их преодоления или предотвращения, а с другой — нередко мешают осуществлению познавательного процесса в должном объеме. Подобные помехи возникают у людей тогда, когда накал их эмоций становится настолько сильным, что затемняет ясность и трезвость разума. Именно в таких условиях вырванная из общего контекста, из своих взаимосвязей какая-то одна из сторон реальности и может вырасти в сознании до размеров целого. При этом картина мира для такого человека и упрощается (сужается, уплощается), и искажается. Например, подобные состояния лежат в основе изменений сознания по истерическому типу, наблюдающихся у различного рода фанатиков во время их исступленных многочасовых молений, особенно в тех случаях, когда эти моления сопровождаются стереотипной деятельностью мышечной системы (плясовая молитва у хлыстов, вертящиеся дервиши и т.д.).

События, происходящие в мире, в том числе и судьбы людей, определяются, как известно, объективными законами общественного развития и зависят от многих причин, далеко не всегда видных и понятных человеку, но реально ощущаемых им. Сложность мира не исключает, а, напротив, обуславливает и наличие в нем случайности. Случайное событие — результат пересечений многих цепей причинной зависимости, пересечений, вероятность которых либо объективно мала, либо кажется нам таковой, потому что управляющие этими, внешне случайными, явлениями закономерности остаются

еще непознанными. Познав их, можно было бы (если такие явления представляются желательными людям, полезными для них) подобные редкие события воспроизводить, повторять. Но мистик не признает многозначности и многообразия закономерностей и зависимостей, он фиксирует свое внимание лишь на явлениях необычных, вероятность которых крайне низка. И в них он видит доказательство возможности уйти от законов природы и общества, возможности достигать сверхъестественных, чудесных результатов, действуя вопреки природе, а не следуя ее законам.

Вспышки увлечения мистикой в антагонистических обществах не случайны. Они повторяются в истории периодически, составляя существенную социально-психологическую черту так называемых переломных эпох. В эти эпохи перехода от одной социально-экономической формации к другой тяга к мистике возникает на обоих полюсах мира, разделенного надвое — на властителей и подвластных. Мучительно гнетущие противоречия, характерные для изживающей себя эпохи, достигают в это время наибольшей остроты. Они вызывают у многих людей состояние внутреннего конфликта сознания, для которого характерно сильное аффективно-интеллектуальное напряжение. Такое состояние возникает и у тех, кто занял привилегированное положение на вершине общественной лестницы, и у немалого числа тех, кто испытывает все тяготы существования внизу. Однако конкретные социальные причины возникновения его на том и на другом конце — разные; точно так же по-разному протекает и дальнейшее развитие возникающего конфликта сознания.

Мы лишены тут возможности вдаваться в подробности, позволяющие достаточно полно раскрыть социально-психологический смысл появления людей, подобных Распутину, и обретения ими иногда определенной власти и влияния, как это имело место в конкретно разбираемом нами случае. Однако мы считаем нужным остановиться тут немного на том, что красной нитью проходило через все наше повествование, — мы имеем в виду умение Распутина влиять, гипнотически воздействовать на некоторых людей. Роль этого фактора в его мистической практике, как мы видели, была достаточно весома.

Гипнозу посвящены многие научные и популярные работы, поэтому тут нет смысла излагать все. Следует сказать о последних достижениях научного исследования этого психофизиологического явления, а именно о роли гипноза во взаимодействии сознания и бессознательного. Эти моменты особенно важны для уяснения механизмов, как может показаться, «сверхъестественных» возможностей гипнотического влияния Распутина и подобных ему шарлатанствующих мистиков.

Работы нашей психотерапевтической клиники Центрального института усовершенствования врачей, проводимые совместно с профессорами-психофизиологами Ф. В. Басиным и Н. А. Аладжаловой из Научно-исследовательского института неврологии Академии медицинских наук, позволили получить новые данные о гипнозе. Исследование велось с помощью высокочувствительной аппаратуры, позволяющей регистрировать донныне не исследовавшиеся данные мозговой деятельности в этом состоянии.

Изучая сверхмедленные колебания биоэлектрической активности потенциалов мозга при состоянии гипноза, мы обнаружили, что кривая этих потенциалов претерпевает резкое изменение в момент перехода загипнотизированного в наиболее глубокую стадию — в сомнамбулическое состояние. Такой перепад повторялся из опыта в опыт, причем характерные его волны четко выделялись на фоне всех других колебаний во время гипноза — и до, и после этой переходной фазы. Этот факт — объективное доказательство того, что наиболее глубокая стадия гипноза обладает своим, особым типом режима мозговой деятельности.

А это, в свою очередь, означает, что не все в гипнозе связано с действием внушения, что он, напротив, сам по себе — качественно иное, особое состояние, хотя и создающее для внушения исключительно благоприятный психофизиологический фон. Если учесть современные научные представления о структуре сознания, о котором мы говорили выше, о мозговой деятельности как разнообразии форм объединения осознаваемой и неосознаваемой психической активности, то вполне правомочно усмотреть в этой сомнамбулической фазе гипноза такое состояние психики, при котором с наибольшей полнотой проявляется именно неосознаваемая нервно-психическая деятельность.

Таким образом, здесь гипнотическое состояние выступает как некий водораздел, как бы черта горизонта, отделяющая сознание и бессознательное. Тем самым гипноз, приобретая одновременно черты того и другого состояния, того и другого качества, являет собой нечто новое, не сопоставимое ни с тем, ни с другим, особый вид мозговой деятельности, исключительное психофизиологическое состояние, характерное преобладанием бессознательного над сознанием.

Сказанное позволяет понять необычное: в гипнозе, под влиянием соответствующих внушающих воздействий проявляется яркое оживление следов утраченных впечатлений, иногда обнаруживаются огромные возможности проникновения в «кладовые нашей памяти», подспудно дремлющие на неосознаваемых уровнях нашей психики.

Совершенно очевидно, что в целом этот вопрос необычайно сложен и пока до конца не раскрыт современной наукой. Но и то, что мы знаем

о сомнамбулической стадии гипноза и связанных с ней явлениях, позволяет нам с достоверностью анализировать факты, несколько десятков лет назад совершенно необъяснимые. Так, способность Распутина быстро, как говорится, с первого взгляда проникать в мир внутренних, наиболее интимных переживаний людей истеро-невротического склада, как правило, хорошо податливых к мгновенному гипнозу, находит реальное объяснение в этих особенностях гипнотического состояния. В таком состоянии ведь и выступают на первый план бессознательные, вне гипноза не проявляющиеся в памяти переживания, а также скрывающиеся эмоции.

Если к этому прибавить, что сам Распутин, очевидно, обладал еще и умением самопогружаться в трансподобное сомнамбулическое состояние, во время которого чрезвычайно обострялась его врожденная интуиция, то все сказанное в значительной мере объясняет нам ту атмосферу преклонения и мистики, которая его окружала и о чем уже говорилось выше словами В. Д. Бонч-Бруевича. Эта-то способность «видеть», «угадывать», «прозревать правду» и таким образом влиять на людей и создавала ловкому проходимцу славу, была одной из важных основ его успеха.

Таким образом, достижения современной науки рассеивают и в этой области туман мистики, веками копившийся в темных уголках всего того, что принято обозначать как загадочные, таинственные, непостижимые явления человеческой психики. Ведь именно эта область всегда была наиболее привлекательна для мракобесов и шарлатанов всех мастей.

Казалось, «вещий» старец — в далеком прошлом и в наши времена никто больше о нем не вспомнит. Разве протранжирившийся вконец аристократический эмигрант Феликс Юсупов, для того чтобы подкормиться, выпустит в свет бульварный бестселлер «Это я убил Распутина», а затем — в 1965 году — предъявит иск американской радиотелевизионной компании «Коламбия бродкастинг систем», требуя денежной компенсации за ущерб, якобы нанесенный репутации его жены (она была выведена в телефильме в роли сексуальной приманки, на которую задумавший убийство Юсупов заманил Распутина в свой особняк); или дочь Распутина Мария направит (в 1927 году) в Парижскую судебную палату иск на князя Феликса Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича с требованием возместить ей убытки, связанные с убийством ее отца (размер их она исчислила в 25 миллионов франков)... И вдруг!.. 11 ноября 1941 года, «Волчье логово» — ставка Гитлера. Его опьяненные кровью и первыми успехами орды насильников рвутся к Москве. Фюрер вещает о планах порабощения

России, о массовом уничтожении ее населения, о превращении в рабов оставшихся в живых.

...И тут нечто совершенно неожиданное: «Они устранили Распутина и тем самым ту силу, которая могла бы привить славянскому элементу здоровое приятие жизни». Высшая похвала от фашистского фюрера — и кому? Распутину! Гитлер взрывается злобным лаем. Он усердствует в желании умалить, осквернить, растоптать все подлинно великое из национального достояния нашего народа. А вот Распутина — хвалит. И это говорит о многом... Между политическими проходимцами невольно возникают взаимные симпатии. Отсюда и столь доброжелательные оценки — даже вопреки хваленому «расовому чутью», строго воспевавшему арийцу одобрительно отзываться о славянине...

Нам кажется, что в заключение следует еще раз подчеркнуть: исследование деяний этого человека дало нам возможность наглядно вскрыть некоторые механизмы влечения к мистике, стремления к сверхъестественному, показать «кухню» изготовления «святых», богоизбранных блаженных, пророчествующих кликуш — словом, всего того, что немалую роль сыграло в многовековых заблуждениях мистиков и пережитки чего еще и в наше время дают себя чувствовать в делах отдельных религиозных фанатиков. А это вопросы, которые нужно знать атеистам, всем, кто борется за научное мировоззрение и духовное здоровье людей.

